

плод?», «О наставники народов! / О науки дивный плод! / После многих переходов / Вот ваш новый переход: // Из всемирных филантропов, / Гордой вольности сынов — / В подкупных бойцов-холопов / И журнальных хвастунов...» («К отечеству и врагам его (1855 год)»); «„...Беда нам — третье отделение... / Прощайте! *Наше вам почтение!*“» («Бог», 1859?); «...Он в ответ: „К чему? Оставим! / Пусть! — *Не ведают, что творят!*“» («Коперник», <1870>).⁴⁸

Подведем итог сказанному. Анонимно напечатанное в 1854 году в «Северной пчеле», а затем и других петербургских и московских изданиях стихотворение «Кто кому нужнее?» оставило яркий след в истории отечественной патриотической лирики. Среди возможных авторов произведения назывался Ф. Н. Глинка, чье стихотворение «Ура!» открыло пропагандистскую поэтическую кампанию в столичной прессе и вызвало волну подражаний. Определенные эстетические предпосылки для указания на авторство этого писателя имеются, но формально-стиховая организация анонимного произведения отличается от более тщательной рифменной и строфической структуры упомянутого стихотворения Глинки. Анализ списков анонимного сочинения, включая опубликованный в 1905 году А. Ф. Можаровским, показывает, что изначально стихотворение имело дополнительную заключительную строфу, завершавшую произведение не в воинственном («Так пусть нас судят Бог да меч!»), а христианском («Не ведают сами, что творят») духе, причем приписывалось оно современниками П. А. Вяземскому, в архиве которого имеются следы работы над этим произведением или, по крайней мере, его продвижения в печать. Сравнение поэтического языка Вяземского с лексикой стихотворения «Кто кому нужнее?» свидетельствует о значительных чертах общности на уровне «прозаических» и стилистически сниженных слов, соотносении некоторых лирических приемов, — хотя и оставляет почву для сомнений в отношении авторства Вяземского, поскольку не находит дополнительного подтверждения этому в записных книжках и письмах поэта, в каких-либо внешних литературных источниках. Тем не менее, версия об авторстве Вяземского заслуживает первостепенного внимания и дальнейшего осмысления, особенно в аспекте путей распространения списков произведения и возможного «редакторского» вмешательства Николая I, лично курировавшего пропагандистскую кампанию в прессе.

⁴⁸ Бенедиктов В. Г. Стихотворения / Сост., подг. текстов и прим. Б. В. Мельгунова; вступ. статья Ф. Я. Приймы. Л., 1983. С. 328–329, 520, 567 (Библиотека поэта. Большая сер.).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-103-110

© Н. А. Тарасова

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В БИОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Рабочие тетради Достоевского, как известно, содержат черновые наброски к художественным и художественно-публицистическим замыслам писателя, записи, связанные с редакционно-издательской деятельностью автора, а также заметки личного характера — расчеты с указанием долгов и расходов, адреса, черновики писем, хронику эпилептических припадков, отклики на те или иные события. На многих страницах тетрадей встречаются каллиграфические прописи, пробы пера, росчерки, рисунки (портретные зарисовки, геометрические фигуры, орнаменты, изображение архитектурных деталей готического стиля и др.). Грань между собственно творческими записями и «дневниковыми» в данном случае достаточно тонка — произведения

Достоевского во многом автобиографичны, а его творческий метод, по верному суждению Л. П. Гроссмана, «определялся движением от фактов быта к событиям душевной жизни, от повседневной действительности к внутренней драме, от газетной хроники в мир искусства, от физиологического очерка к психологическому портрету».¹

Достоевский вел записи чернилами (преимущественно) и карандашом. О внешнем виде черновиков писателя и общем характере развития творческого процесса писали в 1920-е годы исследователи, начавшие работу по изучению архивных материалов. Б. В. Томашевский указал на наличие в автографах «отдельных отрывочных строк, иногда выписанных каллиграфически, иногда переходящих в неразборчивый черновик», на «вставки и пометки на полях», «выделение крупными буквами особо значительного», «условные знаки», «готику».² Н. Ф. Бельчиков охарактеризовал последовательность заполнения записных тетрадей, подчеркнув, что Достоевский «часто писал попеременно, торопливо записывая пришедшую в голову мысль там, где свободно. И в тетрадях его можно встретить не раз случаи записывания материалов об одном и том же сюжете в двух-трех местах, из которых (материалов) одна часть бывает записана в начале тетради, другая — в конце и в обратном порядке. Посредине эти записи бывают разделены другими, совсем неоднородными с первыми записями».³ Указанная особенность заполнения тетрадей определила задачи текстологов — установление порядка записей и их взаимосвязи, отнесение к тому или иному авторскому замыслу, датирование заметок (в одной тетради оказывались тексты разного времени, нередко без авторских дат).

Проблема датирования записей непосредственно связана с определением их последовательности в пределах одной, а иногда и нескольких тетрадей, если они заполнялись одновременно. В процессе исследования указанных вопросов появляются новые данные, имеющие значение для установления более точной хронологии творческого процесса автора.

Обратимся к тетради, содержащей черновой автограф романа «Преступление и наказание» (так называемую «висбаденскую» редакцию).⁴ Эта тетрадь объемом в 152 страницы включает записи чернилами и карандашом в прямом и обратном направлениях. В ее состав, помимо указанного автографа, входят черновые заметки к рассказу «Крокодил», записи к неосуществленному замыслу под названием «Брак», художественно-публицистические заметки, черновик письма М. Н. Каткову от 10 (22) — 15 (27) сентября 1865 года, записи для памяти, расчеты, каллиграфические прописи и рисунки.

Исходя из содержания текста, общий период заполнения тетради — 1864–1865 годы. Дат немного, и все они указаны без года: «2 янв<аря>» (с. 152), «6 мая» (с. 151), «16 июня» (с. 45, в черновом автографе романа «Преступление и наказание»), «7^е августа» (с. 1, среди черновых набросков к роману «Преступление и наказание»), «19 августа» (с. 3, 5), «21 августа» (с. 5, 9), «23 августа» (с. 9), «29 августа» (с. 11), «30 августа» (с. 13; начиная с «19 августа» даты находятся среди публицистических записей), «9 сентября» (с. 139, среди заметок к полемике с журналом «Современник»), «14 сентября» (с. 14, среди публицистических записей), «14 октября» (с. 18, среди черновых набросков к роману «Преступление и наказание»). Уточнению датировок, в частности, могут служить записи для памяти. В данной тетради они же относятся к наиболее ранним. Так, на с. 152 содержатся заметки:

¹ Гроссман Л. П. Достоевский-художник // Творчество Ф. М. Достоевского / Отв. ред. Н. Л. Степанов. М., 1959. С. 358.

² Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М., 1959. С. 99.

³ Бельчиков Н. Ф. Тургенев и Достоевский: Критика «Дыма» // Литература и марксизм: Журнал теории и истории литературы. 1928. Кн. 1. С. 75.

⁴ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 4. Далее ссылки на этот документ приводятся в тексте сокращенно с указанием страницы. См. также: Тарасова Н. А. Черновой автограф романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: история текста и контекстуальный анализ // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 4. С. 83–106.

«„Кот Мур“
Кояловича.

2 янв<аря> Аверкиев — взял Хомякова и [2] {1}⁵⁰ часть Беляева.
[Долгомостьев взял [Ипатьев<скую> 1^{том}] {Летоп<ись>}]⁵
Итого с прежни<ми> [3]{2} тома.

„Русский Архив“. (Коля.) № 5 и 6.
№ 2».

Записи, как видим, содержат дату «2 янв<аря>». Имеются основания датировать их 1864 годом. В тексте указан Д. В. Аверкиев («...Аверкиев — взял Хомякова...»), который упоминал и цитировал А. С. Хомякова в статьях, печатавшихся в «Эпохе» в 1864 году.⁶ Следует обратить внимание также на запись: «„Русский Архив“. (Коля.) № 5 и 6. № 2». В Полном собрании сочинений имя пропущено.⁷ В научном описании библиотеки Достоевского ошибка исправлена и указано, что речь идет о Н. М. Достоевском, брате писателя. Кроме того, сделано предположение, что «имеются в виду № 5, 6 за 1863 г. и № 2 за 1864 г., но, возможно, и № 5, 6 за 1864 г. и № 2 за 1865 г.».⁸ Более вероятная дата, к которой относятся выпуски журнала, — 1863 год. Известно письмо Н. М. Достоевского сестре Вере, датируемое предположительно 1865 годом, где он сообщает: «В декабре 63-го года я почувствовал боль в ногах и слабость зрения и, конечно, не обратил никакого внимания. В марте следующего года зрение мое сделалось до того плохо, что я должен был по необходимости подать в отставку; но частных работ, несмотря на страшную, мучительную боль в ногах, не оставлял, надеясь на поправку своего здоровья летом. В июне я уже почти ничего не видел и узнавал людей только по голосу, а все-таки мне жалко было оставить частные работы. Меня водили под руки по строениям, и я оставил работы тогда только, когда уже можно было обойтись и без архитектора».⁹ И далее: «Зрение и до сих пор до того плохо, что не позволяет читать».¹⁰ Исходя из сказанного, у Н. М. Достоевского едва ли была потребность просить у брата книги для чтения после июня 1864 года. По-видимому, в записи для памяти подразумевались номера «Русского архива» за 1863 год — значит, сама запись относится к 2 января 1864 года. Писатель отразил нумерацию непоследовательно, указав вначале двоянный выпуск журнала.

Заметка, сделанная карандашом: «{6 мая} 1) Попову [Через] {до} 25 мая известие о уплате помесечно» (с. 151), — отнесена В. С. Нечаевой к разделу «Записи, касающиеся состава книг журнала „Эпоха“, сношений с авторами и цензурой» и датирована 1865 годом.¹¹ Исследователи соотносили запись с фамилией публициста В. П. Попова, печатавшегося в журнале «Время». В журнале «Эпоха» не было публикаций под его фамилией.¹² В Полном собрании сочинений высказано предположение о «продолжающемся сотрудничестве Попова», а отсутствие его фамилии среди участников «Эпохи» объяснено «осторожностью Достоевского, боявшегося поставить журнал под удар

⁵ Здесь и далее в квадратных скобках приводится вычеркнутый Достоевским текст, в фигурных — вписанный.

⁶ См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975. С. 149–152; Аверкиев Д. В. Вильям Шекспир. Статья I // Эпоха. 1864. № 5; Значение Островского в нашей литературе: Письмо к редактору «Эпохи» // Там же. № 7 (подпись: Один из почитателей Островского), и др.

⁷ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 98.

⁸ Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / Отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб., 2005. С. 273.

⁹ [Волоцкой М. В.]. Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина; Волгин И. Л. Родные и близкие: Ист.-биограф. очерки. М., 2013. С. 862.

¹⁰ Там же. С. 863.

¹¹ Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. С. 276.

¹² См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972. С. 63, 113 и др.

из-за участия в нем автора, с 1862 г. находившегося под „секретным наблюдением“.¹³ В перечне М. М. Достоевского среди сочинений, предложенных авторами к печати, значится также источник: «№ 32. Российский Отелло. Попова», — указанный в разделе «Драматические произведения» под датой 15 января 1863 года.¹⁴

Как отмечено выше, анализируемая записная тетрадь датируется 1864–1865 годами, и заметка о Попове может быть связана с другими обстоятельствами. Речь в ней идет о договоренности Достоевского с адресатом об «уплате ежемесячно». Здесь может иметься в виду один из однофамильцев.

Во-первых, М. И. Попов, с которым писатель 1 сентября 1861 года заключил контракт о найме квартиры в доме А. А. Астафьевой по ул. Малая Мещанская.¹⁵ Через год контракт был продлен.¹⁶ Около 17 сентября 1862 года «у Д<остоевского> происходит унижительный инцидент с дворником, посланным квартирным хозяином М. Поповым „для напоминания об уплате квартирных денег“». ¹⁷ В следующем году контракт сохранялся, о чем свидетельствует тот факт, что 4 июня 1863 года Достоевский получил «квитанцию, подписанную „коллежским секретарем М. Поповым“, об уплате за квартиру».¹⁸ 19 ноября 1863 года Достоевский, находящийся в Москве, «в письме к В. Д. Констант просит ее позвать к себе Пашу (П. А. Исаева. — Н. Т.), разувать, как он живет, и дать ему денег, если надо, а также убедить хозяев квартиры Д<остоевского>, что он ее оставляет за собой».¹⁹ В 1864 году адреса писателя меняются — 20 августа Достоевский «нанимает квартиру № 36 по ул. Малой Мещанской в доме купца И. М. Алонкина, без контракта, по 25 руб. в месяц с условием платежа вперед, за два месяца (19 августа он заплатил Алонкину 10 руб. в задаток)».²⁰ До этой даты исследователи называют апрель 1864 года и еще один петербургский адрес — квартиру в доме Евреинова на ул. Малой Мещанской.²¹ Необходимо учесть, что писатель провел большую часть апреля в Москве, где 15 апреля скончалась его первая жена М. Д. Исаева и откуда он вернулся в Петербург около 26 апреля.²² Достоевский мог иметь планы продления контракта с М. И. Поповым о найме квартиры, о чем, возможно, свидетельствует указанная карандашная помета об извещении до 25 мая насчет «уплаты ежемесячно». В таком случае эту запись следует датировать 6 мая 1864 года.

Во-вторых, П. А. Попов — кредитор. Известны девять его писем Достоевскому с просьбами об уплате денег по векселю (по долгу М. М. Достоевского).²³ В частности, в письме от 27 января 1866 года Попов указывал, что им было получено семь писем Достоевского «с апреля 1864 и по 25 число января сего 1866 года» с объяснениями по поводу уплаты долга.²⁴ Исходя из этой информации, можно предположить, что выраженное в заметке Достоевского намерение выслать извещение до 25 мая насчет «упла-

¹³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 367. Данный вывод оспорен в издании: Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 122.

¹⁴ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 278.

¹⁵ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: В 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 332.

¹⁶ Там же. С. 378.

¹⁷ Там же. С. 379.

¹⁸ Там же. С. 408.

¹⁹ Там же. С. 429; см. также: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 2. С. 58.

²⁰ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 466.

²¹ Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге. Л., 1972. С. 270. В письме неуставленному лицу от 5 декабря 1863 года Достоевский указывает следующий адрес для передачи корреспонденции: «Михаилу Михайловичу Достоевскому, в Петербурге, на углу Малой Мещанской и Столярного переулка, дом Евреинова, для передачи Федору Мих<айловичу> Достоевскому» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 2. С. 60).

²² См.: Там же. С. 74–94, 539; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 453.

²³ ИРЛИ. Ф. 100. Ед. хр. 29820.

²⁴ Там же. См. также: Ланский Л. Р. Утраченные письма Достоевского // Вопросы литературы. 1971. № 11. С. 197; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 2. С. 36, 43, 46, 49, 53, 58–59, 62, 67, 88; Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Т. 2. С. 125.

ты ежемесячно» относится к данному делу. В таком случае датировка записи расширенная — 6 мая 1864-го или 1865 года.

Более вероятен первый адресат, так как речь идет о ежемесячной оплате, что соответствует ситуации поиска и найма квартиры. Из писем кредитора не следует, что Достоевский пытался разделить вексельный долг на части и выплачивать его «ежемесячно»; письма Достоевского П. А. Попову не сохранились.

К 1864 году относится основная часть публицистических записей в указанной тетради, связанных с материалами журнала «Эпоха».²⁵ Замысел статьи «Социализм и Христианство» авторской датировки не имеет, но датируется предположительно 1864 годом. Исследователи связывают его с идеями, высказанными в «Зимних заметках о летних впечатлениях», записи от 16 апреля 1864 года «Маша лежит на столе...» (возникшей по поводу кончины первой жены Достоевского М. Д. Исаевой), заметках о «лучиночках» и «братстве».²⁶ Отдельные записи датируются 1865 годом («С Петровской реформой, с жизнью европейской...»; «В „Записную книгу“. Процесс Никитченко»);²⁷ Концом 1864-го — весной 1865 года датированы наброски к неосуществленному замыслу «Брак», связанному с письмом А. Е. Врангелю от 31 марта — 14 апреля 1865 года, в котором Достоевский говорит об отношениях с первой женой М. Д. Исаевой.²⁸ К январю — началу марта 1865 года относятся черновые наброски к рассказу «Крокодил», что «устанавливается фактом упоминания в автографе журнала „Будильник“, издание которого началось с января 1865 г., и цензурным разрешением номера „Эпохи“ (13 марта), в котором был напечатан рассказ».²⁹

Преимущественно второй половиной 1865 года датируются наброски к роману «Преступление и наказание» и черновой автограф произведения с последующей правкой автора. Последняя авторская дата — «14 октября». Хронологически самые поздние записи к роману в данной тетради находятся на с. 151–152, где упоминаются фамилия «Раскольников» и местоимение «он», т. е. имеются признаки повествования от третьего лица, тогда как в остальных, более ранних, записях используется форма «исповеди» от лица героя. Соответственно, к позднейшей редакции следует отнести также исправления автора в тексте чернового автографа, в которых встречаются фамилия главного героя и местоименная форма «он».

Как следует из приведенных примеров, установлению времени записей способствует изучение как биографического, так и литературного контекста, в котором эти заметки возникали. Контекстуальный анализ необходим и при расшифровке сокращенно записанных Достоевским фамилий. Тот факт, что автор сократил (скрыл) фамилию или ее часть, может указывать на реальность ее происхождения, т. е. на прототип персонажа (в художественном замысле) или реальное лицо (в публицистике), о котором идет речь. Например, в записях к роману «Идиот» 1867–1868 годов встречается сокращение «Ч<ернышевско>го», в «Житии великого грешника» (датируется периодом с 19 (31) июля 1869 года по 3 (15) мая 1870 года), наряду с неоднократно повторяющимся полным написанием, есть несколько примеров сокращения фамилии «Альфонский» до «Аль<фонски>й» и «А<льфонски>й».³⁰

²⁵ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 376–390.

²⁶ См.: Там же. С. 384; Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского // Лит. наследство. 1971. Т. 83: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. С. 38–40; Фридляндер Г. М. Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста // Там же. С. 105–107.

²⁷ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 385.

²⁸ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 2. С. 17; Абрамовских Е. В. Брак // Достоевский: сочинения, письма, документы. Словарь-справочник / Науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008. С. 285–286.

²⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 387–388. См. также второе издание: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб., 2016. Т. 5. С. 533–534.

³⁰ Имеется в виду Аркадий Алексеевич Альфонский (1796–1869) — медик, который с 1817 года служил вместе с отцом Достоевского ординатором и консультантом в московской Мариинской больнице для бедных.

При этом в ряде случаев возникают варианты исследовательские расшифровки авторских сокращений. К примеру, среди записей к неосуществленному замыслу «Смерть поэта (идея)» (датируется временем с 9 сентября нов. ст. 1869 года по декабрь 1869 — январь 1870 года) есть набросок:

«Доктор Нигилист.
Пан Пшепярдовский
и Б—лов».³¹

В Полном собрании сочинений фамилия прочитана как «Б—нов» с пояснением: «...под последним мог иметься в виду петербургский книгопродавец и владделец типографии А. Ф. Базунов, с которым Достоевский поддерживал деловые связи с начала 1860-х годов».³² Б. Н. Тихомиров, отталкиваясь от этого прочтения, но отвергая предложенную расшифровку, соотносит персонажа с крестьянином Балабановым, о котором Достоевский упомянул в этой же записной тетради³³ в связи с сообщениями в газетной хронике о совершенном Балабановым убийстве «по молитве».³⁴

Однако в автографе начертание третьей от конца буквы в фамилии более соответствует графическим признакам «л», т. е. следует читать «Б—лов». Учитывая сатирический контекст, который образует указанный ряд «гротескно-комических персонажей»,³⁵ возможно, здесь имеется в виду Г. Е. Благосветлов, с которым Достоевский был знаком с 1860-х годов.³⁶ О критическом отношении Достоевского к Благосветлову позднее свидетельствуют записи в рабочей тетради 1876–1877 годов: «Не единым хлебом жив человек. То есть человек, если только он человек, и сытый не успокоится, а накормите корову, и она будет спокойна так же, как и иной либерал, купивший, например, на свой либерализм собственный дом. Г-н Благосветлов (достигнувший своего дома)»;

«Эта сытая корова, успокоившаяся подобно г-ну Благосветлову, насытившемуся от Дел своих и достигшему собственного дома (на углу Надеждинской и Манежной) <...>»;

«NB. Вариант о Благосветлове. Надо быть честным и иметь обаяние чести на публику, без чего не достигнете доброго влияния никаким талантом».³⁷

Полемический взгляд на Благосветлова отражен, кроме того, в романе «Братья Карамазовы» в образе Ракитина.³⁸

В неосуществленном замысле «Идея романа» (датируется 1870 годом на основании содержания записей)³⁹ также встречаются сокращенные фамилии, в частности

³¹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 6. С. 104.

³² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 121, 496.

³³ См.: Там же. Т. 27. С. 99.

³⁴ Ср. с мотивом кражи или преступления в углах в замысле «Смерть поэта...» (Там же. Т. 9. С. 392). См. об этом: Тихомиров Б. Н. Смерть поэта // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. С. 339.

³⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 496. Появление фамилии Пшепярдовский может указывать на значимую для возникшего в то же время замысла «Атеизм» тему католицизма, с той разницей, что в «Атеизме» «католический» „пропагатор“ мыслился Д<остоевским> „всерьез“, а в данном случае «оказывается существенно комически сниженным» (Тихомиров Б. Н. Смерть поэта. С. 336).

³⁶ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 446, 467, 486; Т. 2. С. 17.

³⁷ Ср.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 246–247, 462. Слова «Вариант о Благосветлове» подчеркнуты в рукописи, что не отмечено при публикации в Полном собрании сочинений.

³⁸ См.: Борщевский З. С. Щедрин и Достоевский: История их идейной борьбы. М., 1956. С. 307. Второй вариант расшифровки фамилии — Брутилов (который упоминается, кроме того, в «Житии великого грешника»), но не в пользу этого прочтения свидетельствует тот факт, что фамилию Брутилова Достоевский записывает во всех других случаях полностью.

³⁹ В Полном собрании сочинений замысел опубликован под заголовком «Великолепная мысль. Иметь в виду» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 5). Но указанные слова не являются заглавием: это позднейшая авторская пометка к основному тексту записи, сделанная чернилами другого оттенка на верхнем поле страницы.

в строках о романисте: «Публичные лекции. О том, как он много идей выдумал и литературных, и всяких. Тон — как будто насмешки над собой, но про себя: „А ведь это так“. Как его и дети, и жены, и М-вы считают за ничто. Как подают ему Т-в, Гончар<ов>, Плещеев, Аксаков, поругался с С-м».⁴⁰

Эти записи и в целом замысел, о котором идет речь, прочитываются исследователями как автобиографические и отражающие личные и литературные взгляды Достоевского. Сокращения «Т-в» и «С-м» принято расшифровывать как «Т<ургене>в» и «С<алтыковы>м» соответственно.⁴¹ Сокращение «М-вы» расшифровывается исследователями вариантно. В Полном собрании сочинений высказано предположение о том, что имеется в виду семья «критика, историка литературы и педагога А. П. Милюкова (1817–1897)», с которым Достоевский был «в приятельских отношениях с 1840-х годов, но в 1867 году, в связи с перипетиями личной жизни Милюкова, его деспотизмом по отношению к дочери, писатель отзывался о нем иронически».⁴² В Полном собрании сочинений отмечено также, что во время пребывания за границей в 1867–1871 годах Достоевский получал от Э. Ф. Достоевской и Н. Н. Страхова «неблагоприятные известия о Милюкове» (в частности, в письме от 1 (13) сентября 1869 года Страхов сообщил о публикации Милюковым в «Сыне отечества» «весьма гнусных отзывов о „Заре“»⁴³). Приводится, кроме того, оценка из письма Достоевского Страхову от 24 марта (5 апреля) 1870 года, прозвучавшая в ответ на сообщение последнего «о пренебрежительном отношении Милюкова к Л. Н. Толстому»: «Неужели Милюков уже до *такого предела* доходит?»⁴⁴ А также указано на изображение Милюкова в «Бесах» в образе Липутина.⁴⁵

Л. М. Розенблюм предложила вариант «<Майковы?>» без объяснения расшифровки.⁴⁶ Для такого прочтения текста есть несколько оснований. Во-первых, в наброске речь идет о представителях фамилии, а не об одном человеке (используется множественное число), во-вторых, фамилия поставлена в один ряд с женами и детьми: «Как его и дети, и жены, и М-вы считают за ничто», — т. е. из контекста следует, что имеются в виду родственники и близкие люди. Ни Милюков, ни его семейство этим определениям не соответствуют: не известно ни одно письмо Достоевского Милюкову, которое было бы написано в период пребывания писателя за границей, что свидетельствует о редкости контактов; отрицательные отзывы кого-либо из семьи Милюковых о Достоевском также не известны. Иначе обстоит дело с А. Н. Майковым, с которым Достоевского связывали дружеские отношения, а в заграничный период, в конце 1860-х — начале 1870-х годов, — постоянная переписка. Именно в письмах к Майкову Достоевский нередко делился своими творческими замыслами, что указывает на определенную степень близости и доверия к адресату.

Сохранились критические отзывы Майкова о Достоевском, высказанные в письмах к жене А. И. Майковой в 1879 году, которые, помимо прочего, раскрывают довольно личный характер обсуждения Достоевских Майковыми в семейном кругу. Вот, к примеру, выдержка из письма Майкова от 26 мая 1879 года: «Анна Григорьевна, я думаю, рада тебе помочь и похлопотать, но Федор Михайлович всё это готов *видее* сделать, а на практике и оскорбит, и обидит, и рассердит, это уж такой человек. Он в вечной лихорадке и сам нуждается в уходе за собой от всех близких ему людей, которые в состоянии оценить и высоту его понятий, и высоту его таланта. Это уж

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 54.

⁴¹ См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 5, 365–367.

⁴² Там же. С. 366. См. письма Достоевского к Э. Ф. Достоевской от 1 (13) июня, 16 (28) сентября и 11 (23) октября 1867 г. (Там же. Т. 28. Кн. 2. С. 202, 219, 233, 437–438, 447, 453).

⁴³ См.: *Достоевский Ф. М.* Письма / Под ред. и с прим. А. С. Долинина. М.; Л., 1928–1959. Т. 2. С. 457.

⁴⁴ См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 29. Кн. 1. С. 114.

⁴⁵ Там же. Т. 12. С. 209, 218, 328, в комментариях на с. 367 ошибочно приведена фамилия Виргинского, а не Липутина. См. также: *Мочульский К. В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесловие В. М. Толмачева; прим. К. А. Александровой. М., 1995. С. 561.

⁴⁶ *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 46.

я тебе много раз говорил, и опять напоминаю на случай, если выйдет вдруг такая минута».⁴⁷ Еще один отзыв о Достоевском прозвучал в письме после 22 июня 1879 года: «Что же это такое, наконец, что тебе говорила Анна Григорьевна, что ты писать не хочешь? Что муж ее мучителен, в этом нет сомнения, — невозможностью своего характера, — это не новое, грубым проявлением любви, ревности, всяческих требований, смотря по минутной фантазии, — все это не ново. Что же так могло тебя поразить и потрясти? Не могу понять, хотя, признаюсь, часто у меня вопрос рождался, что они оба не по себе, т. е. не в своем уме, и где у них действительность, где фантазия — отличить трудно. Федор Михайлович, например, такие исторические факты приводит иногда, что ясно, что он их разве что видел во сне — например, что Петр Великий сам выкалывал глаза младенцам. Это он говорит или говорил серьезно, может быть, после и забыл. Насчет расточаемого им титула дураков — ключ вот какой: всё, что не есть крайний славянофил, тот дурак. Словом, он в своей логике такой же абстракт, как и все головные натуры, как и нигилисты, такой же беспощадный деспот, судящий не по разуму жизни, а в силу отвлеченного понятия. С твоим мнением о „Карамазовых“ согласен вполне».⁴⁸ Из содержания приведенных отзывов («Это уж я тебе много раз говорил, и опять напоминаю», «все это не ново») следует, что Майков еще раз выразил сложившееся мнение. Возможно, Достоевский, высказываясь таким образом о родственниках, близких людях в наброске 1870 года («считают за ничто»), в какой-то степени предчувствовал проявившееся к нему отношение Майковых.

Такого рода непроясненных мест в черновых рукописях Достоевского остается немало, тем более что упоминания многих реальных лиц, с которыми писатель сотрудничал или встречался в тех или иных жизненных обстоятельствах, содержатся не только в заметках, но и в расчетах, полностью не опубликованных до сих пор. Данное обстоятельство еще раз напоминает о необходимости полнотекстовой публикации рукописного наследия писателя, в которой бы учитывались и получили научный комментарий как художественно-публицистические материалы, так и все текстовые, цифровые, графические записи автора.

⁴⁷ Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / Статья, публ. и комм. Л. Р. Ланского // Лит. наследство. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. С. 482–483.

⁴⁸ Там же. С. 485; ср.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 194. Майков писал жене о «Братьях Карамазовых» 18 июня 1879 года: «Насчет романа Федора Михайловича и я согласен с тобою. Не знаю, куда всё приведет, но пока ни зги впотьмах не видно...» (Достоевский в неизданной переписке современников. С. 485). Ср. с позднейшими приветственными отзывами в письме сыновьям Владимиру и Аполлону от 26 ноября 1892 года: «Неужели вы только теперь дошли до „Карамазовых“? Жалею, что у меня уж потускло впечатление отдельных сцен, осталось только общее — напр<имер>, первая встреча и разговор Катерины Ив<ановны> с Карамазовым, Зосима, Вел<икий> инквизитор, разгул в последней части. Одно там меня бесило — это дети, маленькие Федоры Мих<айлови>чи. Во всяком случае произведение грандиозное. Ваши заметки тем более для меня интересны, что вы — потомство. А читали ли „Прес<тупление> и наказ<ание>“? „Бесы“? Если нет, то еще интересного найдете много. Все-таки Дос<тоевск>ий — писатель с высоким идеалом, отсутствие которого делает нынешнюю литературу — пустынею, хотя у Чеховых, Успенских и пр. язык действующ<их> лиц натуральнее, живописнее. Но что все сии дары — без идеала? Материал — без художника. Увы! во всем оскудение духа!» (Из неизданных писем А. Н. Майкова о Достоевском / Публ. И. Г. Ямпольского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 280–281); в письме сыну Аполлону от 10 июля 1893 года: «Достоевский тоже ужасен иногда в изображении язв — но чувствуешь в душе автора высокий идеал, и содрогаешься от сцен, чувствуешь великую, христианскую высоту точки зрения автора. В мерзавцах и злодеях его чувствуешь уклонение от идеала — что чувствуют и эти его мерзавцы. Он мучит, но примиряет — и учит. Золя — талант, выросший на почве грубейшего, одностороннего, не сомневающегося материализма. Достоевского корни — в христианском учении...» (Там же. С. 281).